

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ СЕМАНТИКИ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ЭТНОНИМАМИ**
**ETHNOCULTURAL MOTIVATION OF THE SEMANTICS
OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ETHNONYMS**

В. И. Аверченко

V. I. Averchenko

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: belonesha@mail.ru

В статье рассматриваются особенности функционирования фразеологизмов с этнонимами в русском и английском языках. Представлены точки зрения отечественных лингвистов относительно происхождения фразеологизмов с этнонимами и их функционирования в языке. Анализируется исторический контекст возникновения ряда фразеологических оборотов с этнонимами.

Ключевые слова: этноним, этнолингвистика, этническая картина мира, этнофразеологизмы, этноконнотации.

This article deals with the features of functioning of phraseological units with ethnonyms in the Russian and English languages. The author examines the views of domestic linguists on the origin of phraseological units with ethnonyms and their functioning in the language. Historical context of the genesis of some phraseological units is revealed.

Keywords: ethnic name, ethnolinguistics, ethnic view of the world, ethnophraseology; ethnic connotations.

Начиная с XX в. по причине актуализации исследований этомаркированности языка и речи сформировалась новая дисциплина в классическом языкознании – этнолингвистика, понятийный аппарат которой собственно и включает термин «этноним». В Большом толковом словаре русского языка представлено следующее определение понятия «этнолингвистика»: *этнолингвистика* – раздел языкознания, исследующий психические, этнические и т. п. особенности народа, племени и отражение их в языковой системе [3, с. 1527].

Исследованием данного вопроса занимались такие отечественные лингвисты, как И.Н. Белобородова, Е.В. Богомякова, А.С. Герд, Г.Ф. Ковалев, В.И. Карасик и др. Так, А.С. Герд указывает на то, что язык отражает самосознание этноса. Одним из важных средств выражения самоопределения этноса в языке служат этнонимы, которые свидетельствуют о самовыделении той или иной группы населения – этноса, субэтноса, локальных групп этноса [4, с. 112].

И.Н. Белобородова утверждает, что «национальное самосознание не может существовать автономно, без соотнесенности, сравнения “себя” с “другими”. И тогда у этнической общности появляется самоназвание. С помощью самоназвания не только выделяется собственный “свой” народ, но и происходит противопоставление его другим народам» [1, с. 98].

Другие авторы (Е.В. Богомякова, Г.Ф. Ковалев и др.) связывают этнонимы с самоназванием по государственной принадлежности. Е.В. Богомякова относит к этнонимам названия жителей городов, регионов, стран, наименования лиц по расовому признаку и исторически сложившиеся прозвищные обозначения групп населения и этнических групп [2, с. 18; 7, с. 19].

Итак, анализ литературных источников по данной теме, свидетельствует о том, что этнонимы следует рассматривать в единстве экстралингвистических и лингвистических признаков, отдавая предпочтение антропологическому фактору.

Смежными с понятием «этноним» являются категории «лингвоним» (название национального языка: *that's double Dutch for me* ‘полная галиматья’, *thieves' Latin* ‘воровской жаргон’, *китайская грамота, говорить русским языком*), «географоним» (название государства, страны: *from China to Peru* ‘повсюду’, *build castles in Spain* ‘строить воздушные замки’, *Открыл Америку!*, *нести Голландию* ‘говорить вздор’), «политоним» (название всех граждан в государстве: *to play someone for a Chinaman* ‘принимать за глупца’, *an Englishman's home is his castle* ‘мой дом – моя крепость’, *незванный гость хуже татарина, цыгану без обману дня не прожить*). Все эти понятия так же, как собственно и этнонимы, представляются единицами этномаркированной лексики в языке, которая фиксирует отношение представителей этнокультурного сообщества к самим себе и к представителям других народов и этносов. Так В.И. Карасик отмечает, что «люди выделяют значимые сходства и различия и дают различиям эмоциональную оценку. В этом смысле все свое признается нормой, и все чужое на обыденном уровне получает критическую оценку как странное, недостаточное, преувеличенное, опасное, смешное, уродливое и т. д.» [5, с. 5]. Тем самым в этномаркированной лексике фиксируется не только эмоционально-оценочное отношение к «чужим» и «своим», но и постулируются понятия нормы и анти-нормы в контексте социального бытия этнической группы.

Тем самым каждому народу свойственна некая своя уникальная этническая картина мира, уникальное этническое самосознание. Этнонимы в коллективном сознании массового носителя языка

и культуры актуализируют некоторую систему оценочных стереотипов, моделей типичных действий, целостную систему мифологем. Именно этнонимическая лексика и задает стереотипизированные представления людей о других народах и различных явлениях, которые, так или иначе, связаны с исторической траекторией развития этнокультурного сообщества.

Этнонимы можно разделить на несколько групп: нейтральные и экспрессивные. К *нейтральным* относятся литературные этнонимы, употребляемые в официально-деловом общении (*иностранец, белорус*); к *экспрессивным* – разговорные этнонимы (*лягушатник, деревенщина, провинциалка, хохол, жид и т.д.*), которые зачастую приобретают отрицательную оценочность. Экспрессивные этнонимы, имеющие негативный характер, называются этнофолизмами. *Этнофолизмы* возникают по различным критериям и характеристикам. Е.В. Богомякова указывает на несколько путей их возникновения: этнофолизмами «могут становиться типичные для называемой нации имена собственные, а также некоторые группы лексики, отражающие категории, показательные для этнической характеристики: особенности внешности, черты характера, гастрономические пристрастия, социальный статус, язык и особенности произношения и т. д.» [2, с. 18]: *Ну, ты и турок!, Пряма как цыган, Балаболишь как хохол.*

Этнонимическая лексика присутствует во всех языках мира и часто участвует в отображении и формировании картины мира. Данный факт находит свое отражение в различных языковых номинантах, к которым в первую очередь относятся:

а) лексемы для обозначения семейно-родственных отношений (*Welsh uncle, Scotch cousin* ‘дальний родственник’, *американский дядюшка* ‘о получении неожиданного наследства от незнакомого родственника’);

б) молодежный сленг (*Mexican breakfast* ‘голодный паек, сигарета и стакан воды на завтрак’, *be Scotch* ‘жадюга’, *я шпыхаю по-немецки* ‘я говорю по-немецки’, *азиатка* ‘вечеринка в ночном клубе, которая посвящена людям азиатской внешности’);

в) единицы для обозначения названий болезней (*Indian belly* ‘кишечное расстройство’, *Scotch fiddle* ‘чесотка’, *английская болезнь* ‘рахит’, *испанка* ‘штамм вируса гриппа’);

г) названия животных и растений (*Arabian bird* ‘птица феникс’, *Indian grass* ‘марихуана, «травка»’, *жидовские яблоки* ‘растения семейства пасленовых’, *китайская трава* ‘чай’);

д) единицы для обозначения исторических фактов (*the ten plagues of Egypt* ‘десять казней египетских’ (казни всевышнего, постигшие Египет

за отказ фараон освободить еврейский народ из Египетского плена), как *швед под Полтавой* (об исходе Полтавской битвы – одного из крупнейших сражений в Северной войне));

е) лексемы для обозначения природных условий / явлений (*Welsh mile* ‘миля с гаком’, *Indian summer* ‘бабе лето’, *цыганский дождь* ‘морось’) и др.

Рассмотрим нейтральные и экспрессивные этнонимы русского и английского языков и их происхождение, детерминирующее этноконнотации в этнокультурном массовом сознании.

Выражения с компонентом-этнонимом «*English tea-time*», «*English tea*» обозначают традиционное английское время для чая между половиной четвертого и половиной пятого. Подобно вышеотмеченным нейтральными также являются этнонимы, присутствующие в следующих выражениях: «*English Channel*» – Ла Манш (для обозначения географического объекта); «*English Civil War*» – гражданская война в Англии (для обозначения исторического факта); «*English disease*» – рахит, бронхит; сплин, хандра (для обозначения названий болезней); «*English Electric*» – фирменное название некоторых электробытовых приборов; «*English foxhound*», «*English setter*» – породы собак (для обозначения названия животных), «*English Grey*» – порода гусей (для обозначения названия животных); «*Standard English*» – нормативный / литературный английский язык и др.

Бесспорно, *нейтральные* этнонимы весьма информативны в обнаружении стереотипов национальной ментальности, этномаркированного образа действий и жизни, однако коннотации *экспрессивных* этнонимов в силу их эмоционально-экспрессивной оценочности представляются куда более информативным материалом для установления этнического самосознания и этнической картины мира. Как в этом отношении отмечает И.М. Кобозева, «задача выявления стереотипов национальных характеров может быть сведена к задаче выявления коннотаций у этнонимов...» [6, с. 185]. Процесс формирования и закрепления этноконнотаций в языке – естественный процесс в эволюции национального языка. Рассмотрим несколько примеров формирования этноконнотаций в различных языках.

Так, в английском языке действие, когда гость уходит, не прощаясь, представлено выражением *to take a French leave*. Выражение датируется периодом Семилетней войны (1756–1763). Происхождение данного выражения Т.И. Скоробогатова объясняет французской традицией середины XVIII в. уходить с балов и обедов, не попрощавшись с хозяевами дома [9, с. 109].

Удивительно, но практика невежливого ухода без соблюдения этикетной формы прощания с хозяевами самими французами приписывается уже именно англичанам: (фр.) *filer à l'anglaise* (букв. 'уйти по-английски, уйти не прощаясь'). В соответствии с одной из гипотез это выражение датируется приблизительно 1830 г. и связано с образом жизни некоего английского лорда Генри Сеймура (1805–1859), долгое время проживавшего в Париже. Этот лорд «завоевал» большую «популярность» из-за своих скандальных чудачеств. Излюбленная шалость милорда заключалась именно в том, чтобы нанять карету, переодеться кучером и натворить массу дорожных происшествий, а далее, начудив, незаметно покинуть место кучера и затеряться в толпе, наслаждаясь в образе стороннего наблюдателя (зеваки) устроенным им же самим беспорядком.

Аналогично приведенному выше примеру, несоответствие этнических оценок наблюдается и в оценивании чего-то сложного, непостижимого, запутанного в русской лингвокультуре через апеллирование к сложности системы китайского языка (*китайская грамота*). О.А. Михаленко так объясняет подобное восприятие китайского языка: «Несложно догадаться, что выражение “китайская грамота” возникло из-за того, что китайские иероглифы действительно непросто понять человеку, никогда не изучавшему китайский язык. Иероглифическая письменность всегда притягивала людей, но всегда казалась недоступной. И все, что сложно понять, люди зачастую ассоциируют с китайским» [8]. Нейрофизиологи утверждают, что во многих китайских диалектах присутствуют четыре основных тона, поэтому для успешного овладения этим языком необходимо, чтобы активно работали оба полушария головного мозга, что невероятно затрудняет овладение языком и понимание китайской речи.

Сами же китайцы, в свою очередь, заявляют, что трудным и непонятным они считают марсианский и птичий языки: *kàn qǐlái xiàng huǒxīngwén* (букв. 'словно марсианский язык'); *tīng qǐlái xiàng niǎoyǔ* (букв. 'это звучит как птичий язык').

Англичанами степень трудности и непонятности чего-либо передается через сравнение с явлениями голландского и греческого языков (*be Greek to someone* и *double Dutch*), равно как и (также как и в русском языке) через апеллирование к сложности китайских реалий (*all Chinese to someone* и *Chinese puzzle*).

В русском языке имеется выражение как *швед под Полтавой*. Этимология выражения относит нас к реальному историческому событию: а именно состоявшемуся вблизи города Полтавы сражению между русской армией во главе с Петром I и шведской армией под

командованием короля Карла XII. Это сражение стало переломным в ходе Северной войны и определило успех России в борьбе со Швецией. В результате данное выражение стало ассоциироваться с понятием полного поражения, разгрома.

Во французском языке имеется выражение с аналогичной семантикой *C'est la bérézina* – ‘это Березина’ для обозначения полного краха, провала, катастрофы, происхождение которого также исторически детерминировано. В конце ноября 1812 г. во время отступления остатки Великой армии Наполеона переправлялись через реку Березину; деморализованные солдаты проваливались под ломкий лед, бросали оружие и погибали под ударами казацких пик. Несмотря на то, что французам удалось прорваться, их потери были огромными. Для Франции это событие стало тяжелейшим уроком истории и национальной трагедией. Память об этом событии навсегда сохранилась в формате крылатого выражения с этнолексемой – компонентом топонимом.

Т.И. Скоробогатова объясняет этимологию следующего итальянского этнонимического разговорного выражения *Mamma, i turchi!* (букв. ‘мама, турки!’), которое употребляется при подшучивании над неоправданными страхами, паникой, следующим образом. Этноним *турок* стал ассоциироваться в итальянской культуре с жестокостью, свирепостью, беспощадностью и кровожадностью после осады г. Отранто (Южная Италия) в 1480 г., когда взявшие город турецкие войска жестоко расправились с жителями этого города: половина проживавших в Отранто была уничтожена, 8 000 были угнаны в рабство, а 800 человек были казнены за отказ принять ислам. Данное историческое событие стало основой для формирования соответствующего отношения итальянцев к туркам [9, с. 100].

В европейских языках этноним *грек* вызывает устойчивые ассоциации с мошенничеством в карточных играх и шулерством. Данное отношение прослеживается в истории, когда живший при дворе французского короля Людовика XIV греческий дворянин Апулос был пойман на карточном мошенничестве и осужден за это на двадцать лет галер. Постепенно ассоциация между карточным мошенничеством и греками укреплялась в сознании французов, и уже в XIX в. выражение (фр.) *être grec* букв. ‘быть греком’ приобрело значение ‘быть хитрым и ловким’ [9, с. 101]. Аналогичное значение присутствует и в английском: *after shaking hands with a Greek count your fingers* ‘после рукопожатия с греком пересчитай пальцы (убедить в сохранности)’.

Отмеченная коннотация воплотилась в появлении и закреплении во фразеологии национальных языков ряда единиц со сходной семантикой,

а именно ‘**дары данайцев**’, т. е. дар, таящий в себе мошенничество, коварство’: (англ.) *Greek gifts*, (исп.) *regalo griego*, (лат.) *timeo Danaos et dona ferentes* (русс.) *бойтесь данайцев, дары приносящих*. Этимология данного выражения связана с событиями 1190-1180 гг. до нашей эры, которые описаны в поэме Гомера «Илиада». Более 10 лет греки безуспешно пытались осадить Трои, пока Одиссей не придумал хитроумный план, согласно которому был построен огромный деревянный конь, внутри которого спрятались греческие войны. Остальное же войско, якобы признавая очередное поражение, отплыло на кораблях от побережья Трои, но при этом укрылось недалеко от берега. Троянцы же, увидав странное сооружение (деревянного коня), ввели его в город, проигнорировав пророческие слова жреца Лаокоон: «Бойтесь данайцев, дары приносящих!», предупреждавшего о коварстве врага. Уже ночью спрятавшиеся в деревянном коне воины вышли наружу и открыли ворота города для тайно вернувшихся под покровом ночи ахейцев.

Таким образом, в этнонимах находят свое отражение стереотипные представления о различных народах, обусловленные, прежде всего, историческим опытом, приобретенным в ходе контактов между представителями разных культур. Специфика семантики культурно маркированного этнонима, которая основывается на фиксации различных ассоциаций, оказывается тесно связанной со стереотипизацией явлений действительности. Зачастую стереотипизированные представления переходят в разряд устойчивых выражений и поговорок. Очевидно, что овладение этнофразеологическим фондом языка является показателем высокого уровня языковой компетенции. Однако бездумное использование фразеологизмов может привести к двусмысленности высказывания и оскорбительному поведению в отношении собеседника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белобородова, И.Н. Этноним «немец» в России: культурно-политологический аспект / И.Н. Белобородова. – Москва: Общественные науки и современность, 2000. – № 2. – С. 96–102.
2. Богомякова, Е.В. Этнонимы современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.В. Богомякова. – СПб., 2005. – 222 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
4. Герд, А.С. Введение в этнолингвистику / А.С. Герд. – Курс лекций и хрестоматия. – 2-е изд., исправл. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. – 457 с.
5. Карасик, В.И., Прохвачёва О.Г. и др. Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.

6. Кобозева, И.М. Конкретный пример лексико-семантического эксперимента: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
7. Ковалев, Г.Ф. Этнонимия славянских языков: номинация и словообразование / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: ВГУ, 1991. – 176 с.
8. Михаленко, А.О. Интересная лингвистика. Китайская грамота. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/10/Китайская_грамота.pdf. – Дата доступа: 22.08.2017.
9. Скоробогатова, Т.И. Этническая картина мира и этноидиоматика (на материале английского и французского языков) / Т.И. Скоробогатова, Т.А. Шкуратова // Вест. Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-та. Сер. 3: Филология. – 2007. – № 9. – С. 97–114.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ
В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭМОТИВНОЙ
ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

**NATIONAL MENTALITY IN THE FRAMEWORK
OF THE RUSSIAN LANGUAGE PHRASEOLOGY**

Д. М. Мухамедсапарова, Д. Б. Розьева

D. M. Muhamedsaparova, D. B. Rosyeva

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: floverisforever@mail.ru

В статье представлены результаты исследования особенностей метафорических образов во фразеологических единицах с семой «Гнев / Ярость» и «Страх» в русском языке, что позволило обнаружить репрезентативность соответствующих эмоциональных концептов, выявить сферы экспансии метафорических образов и характер собственно самих отсылочных образов при выражении отмеченных эмоциональных состояний.

Ключевые слова: эмоциосфера, эмотивная лексика, концепт, фразеологические единицы (ФЕ), метафорические модели, отсылочный образ.

The article deals with the results of the study of the peculiarities of metaphoric images in the phraseological units with the semes “Anger” and “Fear” in the Russian language, which reveals language representation of these emotional concepts, spheres of expansion of the metaphorical images and their specificity as instruments of naming feelings and emotions in the language.

Key words: emotional sphere, emotive vocabulary, concept, phraseological units, metaphorical models, reference image.